

УДК 81'374

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНКОРДАНС КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Л.А. Петрова (Украина, АРК, Симферополь)

В статье обсуждается проблема составления электронного конкорданса. Конструирование электронного конкорданса открывает новые возможности в изучении функциональных свойств лексемы не только в синтагматическом и парадигматическом аспектах, но и позволяет интерпретировать ее ментальные характеристики в художественной картине мира.

Ключевые слова: художественная картина мира, импликационал, семантика слова, электронный конкорданс.

У статті обговорюється проблема складання електронного конкордансу. Конструювання електронного конкордансу відкриває нові можливості у вивченні функціональних властивостей лексеми не тільки в синтагматичному та парадігматичному аспектах, але дозволяє інтерпретувати її ментальні характеристики в художній картині світу.

Ключові слова: художня картина світу, імплікаціонал, семантика слова, електронний конкорданс.

The article deals with the problem of composition of the electronic konkordans. The constructing electronic konkordans opens the new possibilities in study of lexems functional properties in sintagmatical and paradigmatical aspects, allows to interpret its descriptions in art world picture.

Key words: art world picture, implication, word semantics, the electronic konkordans.

Проблема функционирования слова в художественной речи по-прежнему остается актуальной в современной лингвистике. Исследование текстовой семантики связывается с разработанными М.В. Никитиным понятиями интенционала и импликационала языкового лексического значения. Это позволяет рассматривать слово не изолированно, а в определенном контекстуальном окружении. Как отмечают исследователи, в контексте семантическая структура значения обогащается за счет наглядно-чувственного, эмоционально-оценочного и собственно культурного компонентов импликационала. В связи с этим важной является проблема построения конкордансов, в которых максимально полно была бы представлена реализация той или иной лексической единицы в тексте.

Цель предложенного исследования – наметить пути конструирования электронного конкорданса, позволяющего не только продемонстрировать возможности реализации лексического значения в художественном тексте, но и способствующего определению роли лексической единицы в формировании художественной картины мира.

Составление электронного конкорданса во многом облегчается существованием электронных текстовых корпусов. Корпус текстов – это вид корпуса данных, единицами которого являются тексты или их достаточно значительные фрагменты, включающие, например, какие-то полные фрагменты макроструктуры текстов данной проблемной области [1:182]. Важнейшее свойство корпуса текстов – его репрезентативность по отношению к проблемной области. Под репрезентативностью понимается способность корпуса текстов отражать все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в проблемной области [5:31].

Впервые большой корпус текстов на машинном носителе был создан в 60-е годы XX века в Брауновском университете (США). Авторы У. Френсис и Г. Кучера спроектировали его как набор из пятисот двухтысячесловных прозаических печатных текстов американского варианта английского языка. Тексты принадлежали пятнадцати наиболее массовым жанрам англоязычной печатной прозы США.

Как объект исследования корпус текстов представляет собой сверхсложную многоуровневую динамическую систему. Отношения в такой системе, возникающие на уровне «корпус текстов – отдельный его текст», а также другие проблемы, так или иначе связанные с корпусом текстов как языковым объектом, стали изучаться новой наукой – корпусной лингвистикой (cor-

pus linguistics) [2:29].

Работа над созданием корпусов текстов по русскому языку, как отмечают исследователи, начата сравнительно недавно. Первые разработки в этой области относят к началу 70-х годов. Реально используемых корпусов немного. В первую очередь это «Уппсальский машинный фонд русского языка», создававшийся с 1987 года в Уппсальском университете. Общий объем корпуса – около 1 млн. словоупотреблений. В корпус отбирались художественные тексты с 1960 г., специальные журнальные тексты – с начала 1985 г. и газетные статьи – с начала 1987 г.

Большой интерес для исследователей языка Ф.М. Достоевского представляет корпус текстов писателя. В качестве основного текстового источника использовалось полное академическое собрание сочинений классика русской литературы.

Объективную картину состояния современного русского газетного языка позволяет получить «Компьютерный корпус газетных текстов русского языка конца 20-го века» (<http://www.philol.msu.ru/~lex/korpus.html>), подготовленный в течение 2000 – 2002 гг. в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ.

Проблема электронного обеспечения конкордансов поднималась неоднократно. Можно согласиться с мнением М.Н. Михайлова, что конкорданс в формате базы данных гораздо эффективнее, поскольку пользователь имеет возможность автоматизировать работу с примерами: быстро выбирать их из требующихся источников, использовать базу данных конкорданса для пополнения словарной базы данных [5, 198].

Индивидуальная модель мира писателя находит свое отражение в иерархически организованной структуре текста и обуславливает отбор единиц, которые по своим языковым свойствам являются наиболее важными для отражения авторского понимания действительности.

Общие свойства моделей описаны М.И. Откупщиковой [6:101 – 105]. Самыми важными из них, на наш взгляд, являются следующие:

- 1) Дуализм ситуации моделирования. Любая ситуация моделирования очевидным образом предполагает наличие моделируемого объекта и модели (воспроизводимой и воспроизводящей конструкций). В языке моделируемым является окружающая человека действительность, а моделью – тексты, ее описывающие. Специфика языка как модели мира заключается в расширенном понимании действительности, включающей не только физический мир, но и интеллектуальную, духовную, социальную жизнь человека, а также ценности, созданные человеком.
- 2) Системность моделируемого. Модель воспроизводит некоторую систему, состоящую из элементов или частей, взаимосвязанных друг с другом и представляющих одно целое.
- 3) Системность модели. Любая модель представляет собой систему элементов, связанных между собой определенными отношениями.
- 4) Воспроизводимость моделируемого в модели. Обобщенный характер моделируемого.

Моделирование художественной картины мира может опираться на электронный конкорданс, иллюстрирующий функционирование наиболее частотных лексических единиц, например, в сатирико-юмористическом дискурсе. Одной из них является лексема ГОЛОВА.

В.Г. Гак, анализируя понятие *голова* и его отражение в русском языке, отмечает широкую разветвленность в системе значений этой лексемы и ее производных. Существует около 256 лексических единиц, мотивированных словом *голова* (*глава*), и более сотни заимствований, корни которых также восходят к данному понятию. Сама же лексема в русском языке является не мотивированной. Как отмечает исследователь, существует две гипотезы о происхождении слова *голова*: оно связывается со словами, обозначавшими «утолщение, желвак», «черепаха», либо с корнем, означавшим «лысый, голый» [3, с. 710].

Электронный конкорданс может быть составлен с опорой на систему значений слова. Из шести значений лексемы *голова*, зафиксированных в МАСе, в проанализированных художественных текстах функционируют следующие: 1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг. 2. *перен.* Ум, сознание; рассудок. || О человеке большого ума. || *с определением.* О человеке как носителе каких-либо свойств, качеств. В таком случае пользователь, утонув в море контекстов, сможет увидеть только случаи употребления слова в авторских текстах. На наш взгляд, это не принесет должного эффекта. Поэтому можно предложить другой вариант. Выделив при помощи компонентного анализа семы, прису-

щие понятию, расклассифицировать все контексты по семантическим полям. Например:

1. Голова как верхняя часть тела:

а) форма

Голова – шишом, покрытая очень редкими толстыми волосами, похожими на пенки срубленного, но не выкорчеванного леса [Аверченко, Бельмесов].

На стене колебался **большой темный круг, увенчанный двумя рогами**. Лешка догадался, что круг этот не что иное, как **тень от головы** его тетки с торчащими вверх концами платка [Тэффи, Выслужился].

б) внешний вид

Вдруг это неизвестное тело затрепетало, забилося и стало вырываться... показалась голова... **прекрасная женская голова** с печальными молящими глазами... [Аверченко, Русалка].

Это был очень упитанный молодой человек с глазами навывкате, толстыми губами и **горделиво откинутой назад головой** [Аверченко, Секретарь из почтового ящика].

Сенаторская голова, **седая голова с профилем римского патриция** никнет... [Аверченко, Осколки разбитого вдребезги].

– Верно, батюшка, замучает, – сказала Поликарповна, забрав подбородок в руку и скорбно покачав опущенной **головой в черненьком платочке** [П. Романов, Яблоневого цвет].

в) размер

Все, свесив **большие**, тяжелые **головы**, угрюмо смотрели в землю, и только толстые, красные пальцы шевелились угрожающе, да из широких мясистых грудей вылетало хриплое, сосредоточенное дыхание... [Аверченко, Геракл].

Петр повернул свою **огромную на толстой шее голову** и вдруг, не удержавшись, усмехнулся так, что профессору стало жутко [П. Романов, Русская душа].

– А он высокого роста? – спросила я, стараясь представить себе этого героя. – Очень высокий. **Выше меня на три четверти головы** и еще на три вершка. А может быть, даже немножко ниже [Тэффи, Брат Сула].

г) действия **головы**

– **голова** как субъект действия

Нарымский очнулся на песчаном берегу. **Голова** его **лежала на коленях** Прова Акациева, который заботливой рукой растирал грудь и руки утопленника [Аверченко, Робинзоны].

Рабочий контроль переглянулся.

– Замечаете, товарищ? Форменный саботаж! То ему не разговаривай, то не смотри на него, а то он еще, пожалуй, и дышать запретит! Небошь, когда нас не было – писал! Тогда можно было, а теперь нельзя? Под контролем-то небошь трудно! Когда все на виду, без обмана, – тогда и **голова не работает**?! Хорошо-с!.. Так мы и доложим, куда следует! [Аверченко, Контроль над производством].

– Что ж вы бродите до двенадцати часов, как сонные мухи! – крикнул какой-то военный, быстро проезжавший на лошади, как ездит управляющий, осматривая в поле работы, – пристанища себе нигде не найдете?

– А что ж, когда отовсюду гонят, – сказал угрюмо провожатый.

– **Голова-то не работает ни черта**, вот вас и гонят. Поворачивай назад. Идут молча, словно утопленники... [Романов, Значок].

Старушка вздохнула, потом, помолчав, сказала:

– Да. Вот иной раз лежишь ночью и думаешь: царица небесная, матушка, за что ж ты наказала, на старости лет маяться заставила. Иные бога молят, чтобы на такое место попасть, а тут место как раз такое, а все ничего нет. Другой какой-нибудь в бюро около карточек трется и то, глядишь, только и знает – муку домой таскает.

– Это есть такие. **Головы работают здорово**, – сказал бывший торговец, – оттого, что смальства приучен к делу [П. Романов, Несмелый малый].

Голова рассказчика **уныло свисла на грудь** [Аверченко, Леденящая душу история].

Сенаторская голова, седая **голова** с профилем римского патриция **никнет**... [Аверченко, Осколки разбитого вдребезги].

Голова его кружилась, и так странно окончившийся грабеж наполнял сердце обидой [Аверченко, Страшный человек].

Может быть, у них и было чудесно, но у дедушки лицо было расстроенное и **голова тряслась как-то вбок, словно отрицательно, словно сама себе не верила** [Тэффи, Дедушка Леонтий].

– О-ох! О-ох! И не простужены мы, а звон нас донял. Четверо суток с утра до вечера гудет! Везде на Святой любителям звонить разрешается, ну эдакого, как в нашем городе, - нигде нет. Сапожник Егоров и трубочист Гвоздев. Один гудит, другой очереди ждет. **И как у них головы не треснут!** Житья от них нет, хоть из дому беги! [Тэффи, Звонари].

Он <Котомко> сам был в ужасе. Глаза у него закатились, как у покойника, **голова свесилась набок**, и одна нога, неловко поставленная, дрожала отчетливой крупной дрожью [Тэффи, Концерт].

– **голова** как объект действия

Все, **свесив** большие, тяжелые **головы**, угрюмо смотрели в землю, и только толстые, красные пальцы шевелились угрожающе, да из широких мясистых грудей вылетало хриплое, сосредоточенное дыхание...

Скорбно склонив голову, господин Цацкин сидел и молчал, будто ожидая исполнения моего обещания [Аверченко, Рыцарь индустрии].

Она <демоническая женщина> знает, что проклята, что спасенья нет, и **покорно склоняет голову**, уткнув нос в меховой шарф [Тэффи, Демоническая женщина].

Папа сидел, широко расставив ноги и **опустив голову**. Усы у него повисли, словно мокрые, бараньи глаза уныло уставились в одну точку [Тэффи, Когда рак свистнул].

– Почему же, Николай Степанович, – **опустил голову** учитель Тачкин [Аверченко, Невозможное].

Костя безнадежно отмахнулся рукой и, **опустив голову**, принялся рассматривать песок под ногами с таким видом, который ясно показывал, что для Кости никогда уже не наступят светлые дни, что Костя унижен и втопан в грязь окончательно и что праздные утешения друзей ему не помогут [Аверченко, Геракл].

Он [Синюхин] сердито вскочил, стал на цыпочки, дотянулся до уха учителя и, **нагнув его голову**, потащил за ухо в угол [Аверченко, Невозможное].

Синюхин Николай побледнел, **потупил голову**, приблизился к кафедре и открыл судорожно искривленный рот [Аверченко, Невозможное].

Стоя на коленях и **уткнув голову в угол**, учитель истории Максим Иванович Тачкин горько плакал... Тачкин улыбнулся себе в усы, **поднял от журнала голову** и сказал, обращаясь к угнетенному единицей, растерянному Синюхину Николаю... [Аверченко, Невозможное].

Поднял он <знакомый> **от книги** тяжелую **голову**, поглядел на меня ничего не видящими глазами и опять уставился в книгу [Аверченко, Язык богов].

Издатель **подпер голову руками**, облокотился на стол и тоже долго, любуясь смотрел в красное, широкое лицо своего гостя [Аверченко, Спермин].

Он [Костя] **схватился за голову** и простонал, вспомнив все перенесенные обиды:

– Господи! За что? Что я кому сделал? [Аверченко, Геракл].

– Антиноем назвал! – крикнул Костя и **сжал руками голову**. – Лучше бы ты меня **палкой по голове треснул**... [Аверченко, Геракл].

– Погодка, кажется, благоприятствует, – пробормотал он, **с довольным видом кивнул головой**, – я рад, что погода не помешает народным массам веселиться в радостный для них день юбилея [Аверченко, Почести].

– Почему не можете? – **добродушно кивнул он головой**, в то же время укоризненно погрозив пальцем по направлению окна второго этажа [Аверченко, Рыцарь индустрии].

Сия вещь решительно мне нравится. Я **радостно киваю головой**: – Панталончики? [Аверченко, Здание на песке].

– К черту! – ревел жилец из-под шубы. – Он уже и сейчас въехал ногами в плацдарм Степана Ивановича! А тогда за чемоданом он будет **въезжать головой** в мое расположение. Нет нашего благословения! [Аверченко, Сентиментальный роман].

...Девушка шагала по опустевшему Невскому, **спрятав голову в боа** и глубоко задумавшись [Аверченко, Веселый вечер].

А писатель в это время **тер голову**, почесывая у себя за ухом, кричал и наконец вскочил в отчаянии... [Аверченко, Контроль над производством].

Он <писатель Покойников> долго **тер** свою талантливую **голову**, стараясь придумать что-нибудь особенно трогательное, но не мог [Аверченко, История одного рассказа].

Он погрузился в вычисления, потом оторвался, **покрутил головой**: – Гм... да! Выходит, что к концу второго года вы получите ежемесячно 64 миллиарда, а к середине третьего года свыше четырех миллиардов в месяц [Аверченко, Леденящая душу история].

Держался он <Дыбович> беспокойно, все время **нервно вертя головой** направо и налево [Аверченко, Дело Ольги Дыбович].

Дожидавшиеся на улице люди в самодельных суконных башмаках, с холстинными сумками за спинами, всунув руки в рукава, топтались на месте от холода и всякий раз **повертывали головы** к входной двери, когда кто-нибудь выходил оттуда со свертком. Некоторые притворяли дверь и заглядывали в магазин. Но стоявший у двери малый в фартуке сейчас же нажимал дверью на **всунувшуюся голову** и выпирал ее обратно [П. Романов, Несмелый мальчик].

– За что?.. – говорил Костя, **как медведь качая головой**. – Божже ж мой... Что я ему такое сделал? А?.. «Тезей! Геракл!» [Аверченко, Геракл].

– Верно, батюшка, замучает, – сказала Поликарповна, забрав подбородок в руку и **скорбно покачав опущенной головой** в черненьком платочке [П. Романов, Яблоневый цвет].

Тетя Женя, та подкатывает глаза и **качает головой, точно с укором**. Вот, значит, так надо любить [Тэффи, Подземные корни].

Карнаухий крикнул, **покачал укоризненно головой**, сунул деньги в карман и взялся за шапку [Аверченко, Спермин].

Наконец Лешка направился к выходу, но у самой двери остановился и стал озабоченно рассматривать влажное пятно на полу, затем перевел глаза на гостьюны ноги и, увидев на них калоши, **укоризненно покачал головой** [Тэффи, Выслужился].

Он <господин> мог бы засмеяться, или просто безмолвно усмехнуться, или даже, в крайнем случае, **покачать одобрительно головой** [Аверченко, Юмор для дураков].

Как-то зашли во двор два парня в картузах, попросили позволения конька посмотреть, а если продадут, так и купить. Уткин выгнал их и долго кричал вслед, что ему за эту лошадь давно тысячу рублей давали, да он и слышать не хочет. Слышал все это соседний лавочник и **неодобрительно качал головой** [Тэффи, Даровой конь].

– Хацкин! Да опомнитесь! Ну какую вы царственную пышность видели? Участок вы видели, а не пышность.

Хацкин **покачал головой мечтательно и грустно** [Тэффи, Монархист].

Ихневмонов **качнул соболезнующе головой** и снова сел за книгу [Аверченко, Ниночка].

Да, черт ее знает, до каких пор это будет, – сказал третий, черный мужик, **покачав над коленями головой** [П. Романов, Кулаки].

А перед ужином дедушка снова съежился, затих, сел около посудного стола и **вертел головой по-воробьиному**, пока его за стол не позвали Тэффи, Дедушка Леонтий].

Федосья шла, легко переступая поджарыми босыми ногами, с сухой, как у скаковой лошади, щиколоткой, и **вертела по-птичьей головой** [Тэффи, Сердце].

– Пойти рассказать, – задумчиво прошептала торговка и, **повертеев головой, как ворона на подоконнике**, пустилась вдоль улицы [Тэффи, Веселая вечеринка].

Она <лошадь> шагом пошла с круга, сверху вниз **мотая вспотевшей головой** [П. Романов, Актриса].

Рыжая не понимала, за что ее бьют. И только при всяком приближении людей начинала дрожать и храпеть, **рывком вскидывая голову**, когда к ней протягивали руку [П. Романов, Актриса].

Тут я **гордо вскинула голову** и швырнула смятую бумажку на пол: – С мужиком я драться не стану! [Тэффи, Любовь и весна].

Грациозно откинув длинноволосую голову, держа шляпу в горизонтально вытянутой руке, стоял у подножия насыпи маленький худощавый господин, в клетчатом костюме, с развевающимися концами странного зеленого галстука, и не смотрел, а созерцал растерявшуюся Софью Ивановну [Тэффи, Забытый путь].

Учительница застучала каблуками, протянула Кате руку. Она действительно похожа была на старого умного цепного пса, даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины, а **голову поворачивала она быстро** и прищелкивала при этом зубами, словно мух ловила [Тэффи, Неживой зверь].

Вспоминается, что Бог все видит и все знает и за все накажет. Мама не все знает, а и то тошно. И Бога надо любить! Вот Варвара кланяется в пояс, крестится, **закидывая голову назад** и потом сжатой горстью дотрагивается до полу [Тэффи, Подземные корни].

У Филаретовой часовни поднимали богомольцы длинный камень, служивший Филарету изголовьем, **клали его на голову** и обходили с ним часовню три раза посолонь – исцелились от головной боли [Тэффи, Соловки].

Глава семьи, дядя Тема, круглый, с седыми усами, похожий на огромного кота, щурился, жмурился и подшучивал над Катей. – Что, индюшонок, скучаешь? Вот погоди, приедет Гришенька, он тебе **голову скрутит** [Тэффи, Книга июнь].

Потом, видя его разочарованное лицо, <Лидия Николаевна> быстро подошла к нему и неожиданно **поцеловала его в голову**... [П. Романов, Арабская сказка].

С отца весь восторг сразу слетел, и он, обескураженный, подошел к матери, нагнулся и **нежно поцеловал ее в голову** [Аверченко, Отец].

Когда к нему [депутату Карнаухому] бросились депутаты, он выругал всех хамами и дохлыми верблюдами, и потом, схватив стул, **разбил голову** депутату Рыбешкину [Аверченко, Спермин].

Садитесь, пожалуйста, в это мягкое кожаное кресло, в котором **тонешь чуть не с головой** [Аверченко, Фокус великого кино].

Ей <городской женщине> подавай нелепейшую шляпу с перьями, бантами и шпильками, которыми она **проткнет** свою **многострадальную голову** [Аверченко, Смерть девушки у изгороди].

Он <Химиков> часто встречался с Полиной и, рыцарски вежливый, рабски исполнял все капризы девушки, очень любившей автомобили и театральные представления. Долги зловещего авантюриста росли с **головокружительной** быстротой, и **ряд** прозаических **неприятностей обрушился на его бедную голову** [Аверченко, Страшный человек].

д) принадлежность кому

Сенаторская голова, седая голова с профилем римского патриция никнет... [Аверченко, Осколки разбитого вдребезги].

2. Голова – место, где

а) растут волосы

Собственно говоря, чего тут трагического, что дама три дня подряд понемножку выпивает? Но демоническая женщина сумеет так поставить дело, что у всех **волосы на голове зашевелиятся** [Тэффи, Демоническая женщина].

Голова – шишом, **покрытая очень редкими толстыми волосами, похожими на пенки срубленного, но не выкорчеванного леса** [Аверченко, Бельмесов].

Она <Лидия Николаевна>, сидя перед столом и держа еще руку на саквояже, с улыбкой повернула к нему через спинку кресла свою **завитую, кудрявую головку** [П. Романов, Арабская сказка].

Почесывая **спутанную со сна голову** с соломой в волосах, <Захар> откроет заскрипевшие на пятке ворота и в распоясанной рубашке выйдет на улицу... [П. Романов, Актриса].

– Оставьте ваши пробные флакончики при себе, – раздражительно сказал я. – Мне их не надо. Не такая у меня наружность, чтобы внушить к себе любовь. **На голове порядочная лысина**, уши оттопырены, морщины, маленький рост... [Аверченко, Рыцарь индустрии].

В крайней комнате по коридору жил доктор с семьей, полный и представительный человек, **с большой, во всю голову лысиной**, с толстым перстнем на мизинце, когда-то богатый, владелец большой лечебницы [П. Романов, Хорошие люди].

Он сдвинул с **бритой головы** фуражку, вынул папиросу и, продолжая смотреть на лошаадь, закурил. ...Люди оглянулись. Среди них был и Семушкин с своей **голой головой**... [П. Романов, Актриса].

Стриженная голова приподнялась, блеснули острые зубки и хохолок взъерошился [Тэффи, Приготовишка].

– Уйти бы, – томился он <Мясорыбов>, но какая-то цепкая ночная жуть сковала ему ноги, и он не мог пошевелиться. Зато **волосы на его голове** шевелились сами собой [Тэффи, Факир].

б) может чувствоваться боль

А сбоку у стола сидел один молчаливый бородатый человек и, опустив **буйную голову** на ладони рук, сосредоточенно печально молчал [Аверченко, Русские в Европах].

Поднял он <знакомый> от книги **тяжелую голову**, поглядел на меня ничего не видящими глазами и опять уставился в книгу [Аверченко, Язык богов].

Все, свесив большие, **тяжелые головы**, угрюмо смотрели в землю, и только толстые, красные пальцы шевелились угрожающе, да из широких мясистых грудей вылетало хриплое, сосредоточенное дыхание... [Аверченко, Геракл].

Опускаю **усталую голову** на еще не разобранный груды и – нет слез, нет мыслей, нет желаний, – все осталось позади и тысячью насмешливых глаз глядят на нас, бедных... [Аверченко, Моя старая шкатулка].

У Филаретовой часовни поднимали богомольцы длинный камень, служивший Филарету изголовьем, клали его на голову и обходили с ним часовню три раза посолонь – исцелялись **от головной боли** [Тэффи, Соловки].

И **больно было в голове** от этого резкого медного крика и от палящего солнца, удалявшего злым лучом по завитку трубы [Тэффи, Счастливая].

От стихов **в голове стало совсем худо и даже страшно**. Ухватила я только одну фразу, но итога было довольно, чтобы прийти в ужас [Тэффи, Любовь и весна].

– Да, вы, действительно, правы, – тактично заметил жилец. – От политики у нас у всех **в голове трезвон шел** [Тэффи, Взамен политики].

Ей <городской женщине> подавай нелепейшую шляпу с перьями, бантами и шпильками, которыми она проткнет свою **многострадальную голову** [Аверченко, Смерть девушки у изгороди].

б) расположен мозг, а следовательно ум, рассудок

– Вот станьте-ка здесь в углу на колени – может быть, это отрезвит вашу **пустую голову**... [Аверченко, Невозможное].

В голове у него <у Котомко> **было пусто**, в ушах звенело, в сердце тошнило [Тэффи, Концерт].

Троцкий, посасывая мундштук, совсем, **с головой, ушел в газетный лист**... [Аверченко, Короли у себя дома].

Но **крепкоголовый** чиновник замотал **тем аппаратом, который возвышался у него над плечами** [Аверченко, Хлопотливая нация].

– Ежели **дурацкая голова** чего не понимает, должна молчать, – сказал член совета. – Никто их <жен> не гонит, а требуют только, чтоб печать приложили [П. Романов, О коровах].

– Господи, чуть-чуть не опоздала, – говорила старушка, отходя после записи, – **голова, как в тумане**, совсем.

Когда кончили работу и стали выдавать значки, оказалось, что старушке не хватило значка.

– Какой же тебе значок, когда тебе больше шестидесяти лет, могла бы совсем не приходиться.

– Господи батюшка, ведь вы ж меня записали. Вот все видели.

– Не полагается. Поняла? Свыше пятидесяти лет освобождаются от работы. А тебе сколько?

– Семьдесят первый, батюшка.

– Ошалела, матушка, приперла.

– **Стоит в голове туман какой-то**, ничего не поймешь, – сказала старушка.

...Все возвращались веселой толпой со значками на груди и смотрели недоброжелательно на встречающихся прохожих, шедших без значков.

...А старуха спешила сзади всех и бормотала:

– Вот **стоит в голове туман**, ничего не поймешь... [П. Романов, Значок].

В мою **затуманенную голову** давно уже просачивалась мысль, что лучше всего - поехать домой и хоть отчасти выспаться [Аверченко, Чад].

– Ежели у человека **голова с мозгом**, – пустяковой работы не будет, – сказал электрический монтер [П. Романов, Пробки].

Вдруг в очереди, где до того была тишина, послышался шум и крик.

– Что ж они мне дали-то?! – кричал какой-то человек в куртке, с недоумением глядя в полученную бумажку. – Я записан был по столярному делу, а они меня в булочную посылают?

– Молчи, дурак, что ты!.. Благодарю бога, что дали, – сказал пожилой человек в подпоясанной теплой куртке. – Тебе в булочной-то благодать будет. Будешь пироги есть да глазами хлопать, а ежели **голова на плечах есть**, так и там командовать можешь [П. Романов, Иродово племя].

Он <писатель Покойников> долго тер свою **талантливую голову**, стараясь придумать что-нибудь особенно трогательное, но не мог [Аверченко, История одного рассказа].

Слушайте, Заклятын... Я не знаю, на чем вы там помешались и каким **вздором** сейчас **наполнена** ваша **голова**... [Аверченко, Сазонов].

б) происходят мыслительные операции

Мог бы Синюхин сказать и то, что он пытался несколько раз вчитаться в книгу, несколько раз начинал «от сих», но сухие, не будившие пылкого воображения **факты путались в голове**, рассыпались и своей ненужной громоздкостью мешали Синюхину добраться «до сих», до этих милых, манящих каждого прилежного, зубрящего ученика своим уютом и грядущей свободой – «сих» [Аверченко, Невозможное].

Ведь вы получаете деньги не за то, чтобы дуться по ночам в винт, пить водку и потом являться на уроки в таком настроении, при котором никакая **география вам в голову не идет**... [Аверченко, Невозможное].

– Идиотская жизнь, – поддержал молодой человек. – Я вот целый час стою здесь, и **ничего** мне **не приходит в голову** [Аверченко, Коса на камень].

– Если мы любим кого-нибудь, то мы стараемся сделать для него все, что только в наших силах, но **называть почтенного человека курицей никому и в голову не придет** [Тэффи, О нежности].

Молодому Человеку **пришла в голову** оригинальная **мысль**: объяснить с девушкой и предложить ей руку и сердце [Аверченко, Сентиментальный роман].

И вдруг **в голове мелькнула** ужасная, потрясающая **мысль**: ее серьезно приняли за даму из общества [Аверченко, Веселый вечер].

Петя спать пошел, но думать про рака не перестал. Напротив, **мысль эта так засела у него в голове**, что вся остальная жизнь утратила всякий интерес. Лошадки стояли с невыдранными хвостами, из заводного солдата пружина осталась невыломанной, в паяце пицалка сидела на своем месте – под ложечкой, – словом, всюду мерзость запустения. Потому что хо-

зяину было не до этой ерунды. Он ходил и раздумывал, как бы так сделать, чтобы рак поскорее свистнул [Тэффи, Когда рак свистнул].

В мою затуманенную **голову** давно уже **просачивалась мысль**, что лучше всего - поехать домой и хоть отчасти выспаться [Аверченко, Чад].

Изумленный Химиков взял свой кинжал и побрел домой. **В голове** его **мелькала мысль**, что сегодня можно к Полине не пойти, а завтра сказать, что с ним случилось странное приключение: какие-то неизвестные люди похитили его, увезли в карете и продержали сутки в таинственном подземелье [Аверченко, Страшный человек].

– Не бурчи под нос! – кричал Карпов. – Лицом к публике! Роли не знаешь! Роли не знаешь!

– Я знаю роль! – обиженно говорила Гринева.

– Знаешь? Ну ладно. Суфлер! Молчать! Пусть жарит без суфлера, на постном масле!

Карпов был плохой психолог. Никакая **роль в голове не удержится** после такой остротки [Тэффи, Псевдоним].

Лиза схитрила. Но что же оставалось ей делать? Ведь не признаться же прямо, что у них дома никаких мальчиков не бывает, и что ей и **в голову не приходило влюбиться** [Тэффи, Весна].

И могло ли кому-нибудь из взрослых, глядя на худенькую, белобрысую, стриженую девочку, тихо вяжущую бисерное колечко, – могло ли кому-нибудь **прийти в голову**, какие грозные и властные **мечты бродят в ее голове**? [Тэффи, Кишмиш].

А попробуйте ее <городскую женщину> обидеть... Ей ни на секунду **не придет в голову мысль** затаить обиду. Она сейчас же начнет шипеть, жалить вас, делать тысячу гадостей [Аверченко, Смерть девушки из изгороди].

– Куда ж ты их пригнал сюда? – крикнул стоявший на площади высокий человек с лопаткой в руке.

– А я почему знаю?... Мне сказано сюда...

– Что у них там, **шарики, что ли, в головах не работают**, – уж третью партию ко мне присылают [П. Романов, Значок].

А попробуйте ее обидеть... Ей ни на секунду **не придет в голову мысль** затаить обиду. Она сейчас же начнет шипеть, жалить вас, делать тысячу гадостей. [Аверченко, Смерть девушки из изгороди].

Это странное представление **рождается в мозгу**, вероятно, потому, что чаще всего мне приходилось видеть отца взбирающимся по лестнице, в сопровождении кряхтящих и ругающихся носильщиков [Аверченко, Отец].

3. Голова – человек

– Да с чего вы взяли, **дубовая голова**, что я хочу прыгнуть в воду? Просто я стоял на месте, где мне никто не мешал, и хотел выжать тему для нового фельетона [Аверченко, Коса на камень].

– Так-с, – говорит, – теперь, когда мы математически установили вздорожание жизни в месяц ровно вдвое (ох, и математик же был шельма! **Светлая голова!** Недаром – инженер!)... [Аверченко, Леденящая душу история].

Говорю ж вам – **светлая был голова инженер Пятеркин** – все высчитал – даже сторожей не забыл! [Аверченко, Леденящая душу история].

Когда в тихий дремлющий летний день вдруг откуда-то сорвется и налетит порыв ветра, как испуганно и озабоченно закачаются, зашелестят верхушки деревьев, как беспокойно завопят и защебечут примолкшие от зноя птицы, какой тревожной рябью вдруг подернется зеркально-уснувший пруд!

Вот так закачались и озабоченно, **удивленно защебетали венгерские, французские, японские головы**: так же доселе гладкие зеркально-спокойные лица подернулись рябью тысячи самых различных взаимно борющихся между собой ощущений – Русский? Да что вы говорите? Настоящий? [Аверченко, Русские в Европах].

– Здорово! – усмехнулся он <Кузя>. – Мы-то в простоте душевной думали, что «игра с Куколкой» – просто новенькая забава скучающей части русского мыслящего общества, а Моты-

лек – вишь ты, дай Бог ему здоровья – взял да и подвел под эту дурацкую историю прочный идеологический фундамент... **Умная голова – наш Мотылек!** [Аверченко, Шутка мецената].

Из двери начали показываться мужики и, надевая шапки, почему-то сначала оглядывались по обе стороны улицы. Человек пять нехотя пошло в ту сторону, куда ушел председатель. Остальные, посмотрев на них и опять на обе стороны улицы, тоже пошли.

– Эй, вы куда? – крикнул овчинник.

– Пойти посмотреть, что эти **умные головы** орудовать будут, – ответили уходившие [П. Романов, Кучка разбойников].

На длинной платформе вокзала колыхалось целое **море голов**, солдатских шинелей, со вскинутыми на плечи сундуками и мешками [П. Романов, Родной язык].

Из бокового окна **выглядывала голова** и печально продавала билеты [Тэффи, Прорвство рук].

Расположенные подобным образом лексические единицы могут быть снабжены гиперссылками, которые связывают их с однокоренными словами, демонстрируя эпидигматические отношения, с единицами, семантика которых развивается одинаково (например, в художественном, переносном значениях) либо с семемами, представляющими смежные лексико-семантические поля, и т.п.

Таким образом, конструирование электронного конкорданса открывает новые возможности в изучении функциональных свойств лексемы не только в синтагматическом и парадигматическом аспектах, но и позволяет интерпретировать ее ментальные характеристики в художественной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Автоматизация лингвистических исследований: корпус текстов как лингвистическая проблема // Русистика сегодня. – № 1 – 2/98. – С. 179 – 191.
2. Баркович А.А. Корпус текстов как источник и база новых номинаций // Словообразование и номинативная деривация. Материалы Международной научной конференции, посв. памяти профессора В.М. Никитевича. – Гродно, 2004. – С. 29 – 32.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998. – 768 с.
4. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981. – 366 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002. – 264 с.
6. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999. – 368 с.
7. Михайлов М.Н. Компьютерное обеспечение корпуса текстов (Взгляд пользователя) // Русистика сегодня. – № 1 – 2/98. – С. 192 – 201.
8. Откупщикова М.И. Моделирование языка // Прикладное языкознание: Учебник / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Г.Я. Мартыненко и др. Отв. редактор А.С. Герд. – СПб., 1996. – С. 100 – 112.
9. Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. – Л., 1975. – 327 с.
10. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб., 1997. – 264 с.
11. Рыков В.В. Прагматически ориентированный корпус текстов // Тверской лингвистический меридиан: Теоретический сборник / Ред. И.П. Сусов. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 89 – 96 (<http://www.tol.tversu.ru/Meridian3.htm>).
12. Сичинава Д.В. К задаче создания корпусов русского языка в Интернете // <http://corpora.narod.ru/article/html> (Сентябрь, 2001).